

Белорусские врачи «открыли» Антарктиду

29 декабря 2017

Виктория Лебедева

Фото из личного архива Л. Никитюка.

Антарктическая экспедиция из Беларуси отправилась к белому континенту уже в десятый раз, и во второй раз в состав включили врача. Первый доктор на белорусской станции появился в 2015 году. Им стал выпускник ГрГМИ, врач-хирург, заведующий оперблоком Брестской областной больницы Леонид Никитюк. Корреспондент «МВ» узнала, как проходят будни медика и его коллег, чем рискует полярник и самое главное — как попасть в экспедицию. Врачей там всегда ждут, в т. ч. для выполнения научной программы.

Где найти полярника?

Регулярные экспедиции белорусских ученых к Южному полюсу начались в 2007 году, когда приняли профильную национальную госпрограмму, рассказывает бессменный начальник антарктической экспедиции Алексей Гайдашов. Это был принципиальный момент: деятельность в Антарктике может вестись только от имени государства и на бюджетные средства. С этой задачей успешно справляется НАН Беларуси.

— Мы изучаем аэрозольный и газовый состав атмосферы, в т. ч. озоновый слой, — поясняет Алексей Александрович. — Ведем метеорологические наблюдения, геологические и

геофизические изыскания. Исследуем биологические ресурсы и экологию Южного полярного региона.

Параллельно с научной работой с 2014 года в Восточной Антарктиде ведется строительство белорусской станции в районе горы Вечерняя. У белорусов уже есть блок управления, связи и навигации, в 2016-м начат монтаж второго объекта — лабораторно-жилого модуля, две из восьми секций которого займет медицинский амбулаторно-хирургический блок. Будет все необходимое: операционная, терапевтический кабинет, физиотерапевтическое оборудование. К 2019 году планируется завершить монтаж первой очереди инфраструктуры белорусской станции, чтобы работать в Антарктиде круглый год.

— Пока наше пребывание носит сезонный характер, — продолжает Алексей Гайдашов. — Трудимся на станции в летние для Южного полушария месяцы. Возможность зимовки даст значительный экономический эффект и расширит масштабы научных исследований.

В этом году в экспедиции 7 человек. Профессиональный состав определяется исходя из текущих задач. Мы очень долго находимся в отрыве от Большой земли, поэтому первая цель — обеспечение жизнедеятельности и безопасности. Хоть экспедиция и носит исследовательский характер, не менее 2/3 состава — работники по обеспечению жизнедеятельности (к ним относятся и врачи). Кроме своих непосредственных обязанностей они ведут научную деятельность по программам НАН Беларуси.

Отбор кандидатов начинается заранее. Конкурс иногда до 4 человек на место. Это позволяет учитывать не только медицинские или профессиональные качества, но и психологические,

что не менее важно. В состав десятой экспедиции вошли 2 научных сотрудника, 2 механика, электрик, врач и начальник экспедиции.

Сначала претенденты проходят собеседование в Центре полярных исследований. Далее углубленное медобследование в поликлинике НАН и психологическое тестирование на базе Военной академии. Последний этап — совместная подготовка к экспедиции, своего рода учебный сбор: смотрим, насколько команда слаженно действует. В итоге принимается решение, кто войдет в основной состав. Остальные, если нет противопоказаний, остаются в резерве.

Из кого мы выбираем? Полярник — не профессия, а образ жизни, его не найдешь на бирже труда... Всегда есть круг заинтересованных. Мы выступаем в прессе, и люди находят нас сами, кого-то рекомендуют.

В «белом плену» без доктора никак

В последние годы в мировой практике антарктических экспедиций есть проблема: сложно найти доктора. В зарубежных странах врачи зачастую отказываются из-за нежелания терять работу, базу пациентов.

На белом континенте станции располагаются в основном на скальных выходах пород. Таких мест немного — всего 3 % территории. Получается, что эти «оазисы» становятся местом базирования для представителей многих стран, и лечиться полярники иногда ходят друг к другу.

Белорусская экспедиция работает сезонно, поэтому можно иметь одного врача. На зимовке нужны двое. На российских станциях это хирург и анестезиолог-реаниматолог.

— Случаются эвакуации по экстренным медицинским показаниям, — рассказывает Алексей Александрович. — Но они возможны только в полярное лето: с середины ноября до середины февраля. Санитарный авиарейс — маленький самолет на лыжном шасси — вывозит больного на Большую землю. Оставшиеся 9 месяцев в году континент в изоляции, так что можно рассчитывать только на штатных врачей.

Доктор впервые поехал с нами в восьмую экспедицию. Пока у нас ограниченный штат, берем только хирурга. В прошлом году с нами рядом работала сезонная российская станция, поэтому обошлись без своего врача.

Конечно, при принятии такого решения приходится серьезно взвешивать все «за» и «против». Ни одно открытие не стоит жизни человека. В этот раз доктор едет, а с переходом на зимовку добавится второй.

В текущем году белорусские полярники начали сезон раньше обычного для проведения научных исследований в более широком диапазоне климатических условий. Авангардная группа (научный сотрудник, механик, врач и начальник экспедиции) до прибытия основного груза будет работать в автономном режиме более месяца; ближайшие коллеги — в 1 400 километрах. В таких экстремальных условиях без врача не обойтись.

«Врач контролировал, приняли ли витаминку...»

На Южном полюсе нет ни кранов, ни погрузчиков, поэтому на тяжелой физической работе задействован весь состав независимо от должностей. Нередки ушибы, растяжения. Однако полярники склоняются к тому, что закономерности в болезнях нет.

— Происходящее в этих широтах зависит от огромного количества факторов, — рассуждает начальник экспедиции. — Моя первая поездка в Антарктиду состоялась в 1980-х, я сразу остался на зимовку. Видел многое, а рассказали мне еще больше. Случались сердечные приступы у абсолютно здоровых, обострялись скрытые процессы. Были пожары, отравления угарным газом, ожоги, летальные исходы (заблудился в метель, замерз, провалился в трещину)...

Белорусская станция стоит на побережье практически на уровне моря, а внутриконтинентальные — на 1 000 метров выше. Вблизи полюса толщина льда около 4 км... Там нередко горная болезнь, проблемы с сердцем и дыханием. Сейчас есть барокамеры, кислородное оборудование.

Бывают проблемы с психикой. В советское время психологического отбора как такового не было. Реакцию человека на суровые условия было не предугадать: случались депрессии, серьезные расстройства...

Отдельная тема — кухня. Первые годы полярники сидели на крупах, макаронах и тушенке. Такое меню не прошло бесследно для зубов и суставов. В 2008 году НПЦ гигиены разработал инструкцию об организации питания участников белорусских арктических и антарктических экспедиций. Теперь на столе разнообразие: фрукты, овощи, соки, минералка, продукты глубокой заморозки и др. Часть провианта — мясо, рыбу, молочку и прочие скоропортящиеся продукты — белорусы закупают по дороге на крайний юг. Последняя точка захода — Кейптаун. Через 10–12 дней полярники уже на месте.

Запасы провизии в ведении повара. Штатной должности в экспедиции пока нет, с учетом малочисленного состава его обязанности исполняет врач, когда он есть в составе: так коллеги желают ему меньше работы по специальности. Доктор дежурит на кухне примерно 4 раза в неделю, остальное время — коллеги согласно графику. Не у каждой хозяйки есть такая кухня, как на станции. С печками, духовками, мультиварками, комбайнами готовить научится даже тот, кто не знал, с какой стороны подойти к плите.

— Всей экспедицией принимаем витамины, — продолжает Алексей Гайдашов. — Раньше покупали поливитамины, когда появился врач, начали принимать «раздельные». Все наши ребята дисциплинированные, но вот с приемом пилюль не задалось... Наш доктор Леонид после завтрака обходил всех и контролировал, приняли ли витаминку.

Репозиторий

Очень хочется, чтобы врачи не только помогли нам оставаться здоровыми, но и участвовали в реализации научных программ. Антарктида — уникальная база для исследования возможностей организма, подобные проекты ведутся многими странами.

Россияне благодаря хорошему интернету налаживают полярную телемедицину. Это очень важно, ведь даже хирург с суперквалификацией может чего-то не знать. Консилиум в экстремальных условиях иногда жизненно необходим. Сейчас мы перевооружаем станции спутниковой связи, после завершения это станет возможным и у нас.

Надеюсь, медицинские научные сотрудники и врачи-практики откликнутся на наш призыв развивать медицинскую полярную науку.

Южный полюс — сила притяжения

С нашим первым антарктическим врачом Леонидом Никитюком очень долго не получалось увидеться. Удалось поймать доктора на курсах повышения квалификации в столице.

— Никогда не думал, что окажусь в Антарктиде, но в глубине души всегда об этом мечтал. В антарктическую программу попал случайно, это, наверное, судьба. Был на курсах в Минске. В фойе НАН проходила выставка, меня привлек стенд Республиканского центра полярных исследований. Так я познакомился с будущим «полярным» шефом Алексеем Гайдашовым. Когда стало известно, что ищут врача, решил попробовать.

Но была проблема: чтобы уехать в экспедицию, нужно уволиться с основного места работы (даже если это бюджетная организация) и устроиться в НАН. По возвращении увольняешься из академии. Это сдерживает соискателей: кто хочет терять работу? Мне повезло, спасибо главному врачу Брестской областной больницы Александру Карпицкому. Через полгода, по завершении экспедиции, я вернулся на рабочее место. А вообще проблема увольнения остается, но если ее решат на законодательном уровне, люди будут откликаться на полярные вакансии охотнее.

Основная моя деятельность — врачебная. Научная нагрузка заключалась в организации биологических исследований. Биологи НАН Беларуси дали задание собрать образцы мхов, лишайников и прочей антарктической флоры и фауны. Я программу выполнил, все законсервировал и привез для исследований.

Врачебной работы практически не было, если только что-то незначительное, аптечку пару раз открыл.

Параллельно 4 дня в неделю подвизался поваром, вел учет продуктов и медикаментов. Всем составом мы строили первый объект станции. Это большие физические нагрузки. Но коллектив подобрался такой, что трудностей не замечали.

Коктейль вечерний. Мороженый

Леонид Алексеевич хорошо запомнил свое первое впечатление об Антарктиде.

— Когда высадились, подумал: «Неужели я здесь?» Стоял и не верил. На следующий день казалось, что проснулся снова в Бресте. Но меньше чем через месяц привык.

До Кейптауна летели гражданскими авиалиниями. Там пересели на российское экспедиционное судно «Академик Фёдоров». Огромный корабль, 90 человек экипажа. Уже там прочувствовал «полярную» атмосферу.

После работы на белорусской станции «Гора Вечерняя» 2 месяца выполняли научную программу на российской круглогодичной станции «Новолазаревская» в 80 км от побережья. На постоянной основе там работают анестезиолог-реаниматолог и хирург. В основном они имеют дело с травмами или экстренной хирургической патологией (язва с кровотечением или прободением, аппендицит). Оборудован специальный медблок: есть ИВЛ, рентген, УЗИ-аппарат, стоматологическая установка, все условия для правильной стерилизации инструмента.

Жизнь в экспедиции подчинена жесткому графику, установлены сроки выполнения каждой задачи. Как и на Большой земле, есть рабочие и выходные дни. В таком ритме не заскучаешь, нет ощущения однообразия. И все это благодаря команде. Сейчас могу сказать, что приобрел в Антарктиде настоящих друзей.

К Новому году должен выйти документальный фильм о старте строительства станции, его снимал наш метеоролог и одновременно профессиональный оператор. В картине будет памятный для нас момент ввода первого модуля.

Мы собрали здание за полтора месяца, успели ко Дню белорусской науки. По случаю его ввода в эксплуатацию приготовили праздничный ужин, после которого начальник отправился на «новое место жительства» (модуль стоит выше наших старых домиков-временок). Мы остались вчетвером, пели песни под гитару. И тут подумали: а он же там один... Надо провести! С пустыми руками как-то невежливо. У нас было молоко, мороженое, я нашел на кухне миксер — решили сделать молочный коктейль. Намешали литра два, взяли кружки и выдвинулись в путь. Как удивился Алексей Александрович, нужно было видеть!.. С тех пор у нас в ходу рецепт молочного коктейля «Гора Вечерняя».

На то, чтобы «переварить» впечатления от поездки, у доктора ушло несколько месяцев.

Рыбалка с видом на край земли

Истории Леонида Никитюка можно слушать бесконечно — и ни одна не повторится.

— Когда читаешь о полюсе, не задумываешься, как там все устроено. Только на месте я понял, какая вокруг кипит жизнь. Вроде все сковано льдами, но есть мхи, лишайники, в океане полно рыбы и разных животных.

Запомнилась морская рыбалка (ведется больше в научных целях для изучения фауны). Лед у берега достигает двух метров и покрыт трещинами. Ты берешь зимнюю удочку, на многочисленные крючки цепляешь мясо и опускаешь в трещину. Когда леска доходит до дна, сразу наматываешь ее на катушку. Обязательно что-то цепляется, у меня были бычки и нототения.

Пока стоишь, ощущаешь, как накатывает волна: лед «дышит», скрипит. Я даже видеоролик записал со скрежетом льдин. А грохот айсберга не передать! Ледяная река, которая несет к побережью огромные льдины, проходит через законсервированные станции. Десятки лет назад она захватила с собой технику, часть строений. Российские коллеги рассказывали, что видели в отламывающихся айсбергах даже трактора.

Рядом с белорусской станцией на берегу гнездятся пингины Адели. На выходных мы выбирались к ним на скалы. Их тысячи, пушистое море не получается даже взглядом окинуть. За ними охотятся морские леопарды — беспомощные на суше, но невероятно проворные в воде. Когда видишь этого тюленя, так и хочется подойти дотронуться. Правда, зубастая пасть быстро отбивает любопытство.

Выживание в Антарктике напрямую зависит от тепла, а тепло — от работы дизельной электростанции. Если солярка закончится, через сутки все станет... Белорусские запасы хранятся рядом с нами на берегу, а российские коллеги с «Новолазаревской» раз в месяц ездят за топливом. Хранилище у них тоже на побережье — восемнадцать 60-тонных цистерн. В такой вылазке обязательно участвует врач, потому что преодоление 80 км в условиях Антарктиды сопряжено с огромным риском для жизни. Мне довелось совершить один такой рейс.

Небольшие цистерны на гусеницах цепляют к тягачам. Самая большая проблема на пути — трещины. На материке они имеют глубину пропасти, в ширину могут быть от полуметра до десятков метров. Если гусеница транспорта попадает в трещину параллельно, то проваливается. Хорошо, когда расселина неширокая — тогда можно вытянуть. У нас так провалились сани. Но бывает, что падает весь тягач, гибнут люди.

Белорусская станция находится в километре от океана. Виды невероятные, их не передаст ни одна фотография... А станешь спиной к берегу — видишь поднимающуюся ледяную шапку, наглядное доказательство того, что Земля круглая.

Полярники тоже плачут

В хорошую погоду передвижение по поверхности еще возможно, но если налетает ураган, все оказываются в большой опасности. Сильный ветер (30 м/с и более) поднимает в воздух взвесь из снега и льда, видимость становится не далее трех метров, а то и вовсе нулевая.

Прежние здания, в которых размещались белорусские полярники, стояли скученно, только генераторы находились в 200 метрах. Раз в сутки их нужно было заправлять, и в непогоду этим занимались несколько человек. Шли как альпинисты на связке, с рациями. Вернувшись, выгребали из-за пазухи ворох ледяной пыли. И это несмотря на профессиональную полярную экипировку.

— Российская станция «Новолазаревская» очень большая, жилые домики разбросаны по территории, — продолжает Леонид. — Там мы жили в 700 метрах от столовой. Полдороги идешь по тросу, полдороги держишься за что-то вроде перил. Если отпустишь опору, тебя сдует с дорожки и ты на нее не выберешься.

В плохую погоду каждый выход на улицу может стать фатальным. Когда тихо, опасностей не меньше. На выезде случаются травмы головы и конечностей при падении техники в спрятанные под снегом расселины, обморожения вплоть до ампутации. Работа на ледниковом барьере сопряжена с риском обрушения. Благодаря жесткой дисциплине и опытному начальнику нам удалось избежать этих проблем.

Коллеги-врачи рассказывали про сложности с зимовкой, про психические проблемы, так что командному врачу нужно быть готовым не только к травмам и операциям.

Меня впечатлила история российской станции «Молодежная», которая находится ближе всего к белорусской.

Сейчас туда приезжают редко и только на сезон, как и мы. А в конце 1980-х это была самая большая советская база, летом там жили до 500 человек, зимовали больше сотни. Когда распался Союз, власти решили, что на «Молодежную» никто больше не поедет. Послали за полярниками корабль без смены. Люди не поверили, что станция опустеет. Это казалось невозможным: живет целый поселок... Всех 120 полярников забрали. Когда корабль отплыл, команда — взрослые мужики, — плакала...

«И все-таки она круглая...»

Полгода для Леонида Никитюка пролетело незаметно. Обратно шли морем снова на «Академике Фёдорове».

— Плыли больше месяца, за это время сдружился с судовым врачом. Он работает на «Фёдорове» со дня спуска на воду — 30 лет.

Экипаж корабля зимой ходит в рейс в Антарктиду, а летом отвозит ученых в Арктику. В плавании знакомимся со множеством ученых и моряков. Впечатлило, как люди работают: ездят на две-три зимовки, то есть не бывают дома несколько лет. Хорошо, что есть телефон и интернет, это хоть частично компенсирует разлуку. После переоснащения белорусской станции постоянный интернет будет и у нас. Пока же на всю команду — 500 минут телефонной связи на 3 месяца.

Не давал заскучать и океан, всегда разный и невероятно красивый. Удалось увидеть огромную стаю дельфинов, никогда бы не подумал, что такое бывает. Однажды вдалеке водная поверхность «вскипела», и показалась темная точка. Радар определял препятствие. Никак не могли понять, что это, а пятно все приближалось.

В итоге к нам подплыло несколько сотен дельфинов, они окружили корабль. Позже биологи рассказали, что, охватывая кольцом источник потенциальной угрозы, самцы отводят его от самок и детенышей.

...К чему нужно быть готовым, если собрался в Антарктиду? К физическому труду, несмотря на специальность. Так живет вся команда. Нужно уметь ладить с людьми, в чем-то подстраиваться. Без выдержки и самодисциплины никак.

Врач должен уметь распознать неоправданный риск. Порой приходят мысли, что ты единственный, кто может помочь... А кто поможет тебе, если что? От паники в такие моменты спасает самоконтроль.

Главное — чтобы врачебной практики в экспедиции было как можно меньше. Лучше пусть доктор готовит и строит, чем лечит.